

О предлагаемых значениях термина «во-ображение»

«Воображение»... в обыденном и привычном значении этого слова кроется что-то совершенно далёкое от религиозной практики, более того, зачастую весьма предосудительное в высказываниях опытных духовных отцов, руководствующих молитвой. Мы постараемся отринуть все те значения слова, которые связаны с этой негативной и предосудительной оценкой, чуждым православию смысловым наполнением... значениями некоей чувствительной мечтательности, признаками преобладания души человека над угаснувшим духом во внутреннем человеке. Привычно мы понимаем воображение, как мечтательность – метание удалённой от Бога огреховленной души, - от этой мечтательности, предостерегал православных чад святитель Игнатий (Брянчанинов), о мечте бесовской в свободной душе предупреждали Феофан Затворник, Ефрем Сирийский... предостерегали опытно, со знанием духовным причин, действия и последствий духовных опасностей и повреждений мечты... остерегали от уклонений в молитве на губительные, заблудные, чуждые стези духовных путей. И тем не менее мы – усиливаемся вложить в термин «во-ображение» некие смыслы, которые далеки от значений «мечтательности», от чувственного самообмана, от парения мысли и души, ужобного стать беззащитной жертвой мысленного волка или коршуна, врага беспощадного. Переместим же эти значения из области лично-чувственной в онтологически – значимые понятия, за которыми кроется Бог, приоткрывающий Себя по мере Его произволения о человеке. Перемещая же, смещая акценты, значения и смыслы слова, выискивая термин к выражению непрестанно станем понуждать, пробуждать себя евангельским: «Блюди́те у́бо, ка́ко опа́сно ходите, не я́коже немудри, но я́коже премудри, иску́пующе вре́мя, я́ко днѣ лука́ви сѹть.» (Еф. 5:15) «Бодрствуйте, зане супостатъ вашъ дѣволъ, я́ко лѣвъ рѣкая, ходитъ, иски́й когѠ поглоти́ти...» (1Пет.5:8).

Прежде всего – уясним себе и утвердим себя в понимании того, что никакими нашими усилиями Бог не может быть принужден к Само-откровению... мы онтологически не можем раз-облачить Бога, не можем Его заставить явить Себя, не можем Его приблизить, привлечь насильственно никакими своими подвигами, деланием, мученическим свидетельством. И, тем не менее, мы – говоримо допустимости, необходимости и возможности этого движения... более того – единственной цели нашего существования – в движении, в стремлении этом. Не, как об отвлечённой фигуре слова, речи... не как о некоей умозрительной категории говорим мы, н, как о значимом и наиважнейшем делании духовного прилежания, приникания к своему естеству и к Творцу. И та часть в нас, которая могла бы и которой должно прилежать к Богу, быть может, это часть, вмещающая всё наше естество – есть образ Божий в нас. И творческая заданность к подобию... уподоблению человеческого естества в нас – естеству Божественному. Понимаем, что уподобление – не есть соответствие абсолютное и не может быть абсолютно соответственным... и что образ не есть Первообраз чаемый, желанный нами. Понимаем же и то, что свобода воли нашей, свобода уподобления Богу не может принудить Первообраз в приближение к нам. На тонкой грани этих взаимоотношений нашего усилия в приближении к Богу – и Божественного откровения нам – лежит образ, некая посредствующая мембрана, медиум – посредник, ретранслятор, проводник... не являющийся сам по себе необходимым и однозначно заданным, единственным средством к Богообщению.

Но возвратимся же к термину, к онтологической сущности, которой должно бы быть открытой для нас. Возвратимся же к тому, что за словом стоит нечто большее, чем его смысл... за словом может и должно находиться Перво-слову, как за образом – пребывает Первообраз.

Обратим свой взгляд к заповедям блаженств. Ну, например, сказано так: «блаженны нищие духом...» И смысл произнесённого – говорит на не о каком-то умозрительном обнищании, духовном выхолащивании.. но о деятельной в человеке

пустоте, ёмкости, опустошённости, в которую может войти Бог. «Блаженны чистии сердцем, яко тии Бога – узрят»... И мы говорим и слышим не о словесной фигуре речи, не о философской максиме, умозрительной конструкции, не об отвлечённом понятии «чистоты», но о чистоте – действительной, действенной, которой только и различается Бог. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»... И мы говорим не о философской категории плача, но о плача действительном, плаче, как преддверии утешения... Подобно возможно размыслить нам о всех Господних заповедях блаженств. Подобную категорию размышлений мы обращаем и к предлагаемому термину «во-ображение».

Повторимся же: не мечтательность, не чувственное отстранённое от Первообраза самоуслаждение, не само-уверенное и само-обманное надмение горделивыми помышлениями, не мысленное парение вокруг, да около, в стране далече, влекомы ветром главы своя в побуждениях манованиями воздушных князей... мы видим возможным распознать в этом слове – истинное, деятельное вхождение в образ, приближение к этому вхождению, приниканию, проникновению – именно к этим высотам пред-назначен образ, никак не менее и не ниже того. Меньшие цели – опошливают, унижают, обесмысливают образ. Человек – предстоит образу Божию... благословенно это стояние... это предстательство Перво-образа за нас и явление образа перед нами... благословенна встреча. Образ Божий в человеке предстоит образу явленному... явленному благодатной традицией образо-почитания. Человек перед образом явленным и намоленным предшествующими и со-молящимися людьми. Пред дверью, в которые не стихает сердечное биение, толкание множества людей... пред образом – дверью, в которые вглядываются с надеждой, с упованием, с молитвенным дерзновением – множественные образы Божьи. Но Бог – не может быть принуждаем... Не принудить Бога, не принуждён Он, но по неизреченной милости, по безмерному человеколюбию – Он открывает Себя на стук в эту дверь – образ. Толцые – и отворят – вам... Стучат сердца в образ и Господь отворяет, не всегда, не сразу, не повсеместно, не принуждённо, но там, где Он Сам – соизволит сделать это. Не отворяет ныне Господь Своей благодати у чудесной «Троицы» письма преподобного Андрея Рублёва... но может явить чудодействие, явственное присутствие у образа «Троицы», написанной не лепо по канонам православного вкуса. Пред не-лепым образом «Троицы», при недостаточно «качественным» живым письмом может случиться, про-изойти к нам чудо Бого-откровения, - мироточение, исцеление, примирение людей. Весть об этом становится повсеместно распространённой и люди притекают к таковому окну, отворяющемуся в мир неизведанный, дабы изведать его.

Во-ображение... Человеку невозможно принудить Бога. Невозможно своими силами, даже и крайне изощрёнными в искусстве образотворения – невозможно устроить такое окно, чтобы в него с некоей принуждённой необходимостью восшествовал Живой Бог... Но должно – устроить прежде всего – себя, свою ёмкость – к восприятию Божественного вхождения. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»... «Сделайте прямыми пути Господнии к себе». Эти призывы раздаются тысячелетия и слышимы человечеством – эти зывания, побуждения, пробуждения людей к Богообщению, Боговосприятию, к проникновению Бога... а точнее бы – к приуготовлению человеческих сердец к вхождению вхождению Божественного естества, к обретению, к встрече, к тому, чтобы Богу было уготовлено место, не сокрытое от Него, куда бы Он мог войти, проникнуть... но и помимо нашего уготовления – силен войти Бог – к болящим, отверженным овцам дома израилева. Но не противилось бы греховное естество в нас, воля свободная не восставала бы отчуждая нас от вхождения Бога... Вот это делание приготовления места Богу в себе самом – сродни предлагаемому значению понятия «во-ображение», о котором говорим мы, в этом значении – употребляем обыденное и затёртое, зачастую поруганное слово. «Во-ображение», как активное, деятельное усилие человека к возвращению, к очищению в себе померкшего и заросшего греховной патиной образа Божиего... зеркала Господнего. Образа, заляпанного грязью... можно бы придумать не мало иных поэтически впечатляющих суждений и эпитетов на

сей счёт... их высказано не мало, - слишком уж много-красочна эта грязь, омрачающая, затеняющая, уничтожающая образ Бога в человеке. «Во-ображение», как усилие к очищению образа в себе через приникание к образу чистому, незамаранному... не исказить бы чистоты его своим помрачением, своею нечистотой, своим совсем уж не деликатным, дерзновенным взиранием на чистоту и свет из, увы, личного неизбывного сумрака. И как обрести в себе некий пример, действенный и руководящий эталон, мерило, чистоты... ужели в самих нас, в скрюченных клубках нервов расстроенных душ - ужели обретём камертон чистого звука. В состоянии неведения, греховного ослепления, духовного оскопления человек забывает о том, что есть, собственно образ... более того, несёт в себе наследственное забвение как родовое проклятие за отступление ли предков, унаследованное забвение образа Божиего... распространяет своими делами плоды этого забвения... само-забвения вокруг себя... передаёт свойственное забвение потомкам... и череда этого безобразия... внеобразия, казалось бы, не имеет исхода. Забыт и образ, и то, каков он, что он есть по существу, Кого не содержит, но выражает, от-ображает собою, как, до какой степени возможно помышлять о нём. А уведав ныне о само-забвении образа - как распознать, в каком направлении, да и возможно ли движение, оправдано ли усилие... и где обитает надежда - возратить образ. Как себя сориентировать в том, что есть чистота, если естество сплошь погружено в отъявленные нечистоты. Как пример этой чистоты перед нами - икона - образ Господа, который почитаем как окно - око чистое, перед которым преклоняемся Первообразу... Пример чистоты, до которой нам следует возрастая, очищая самих себя... вымаливая очищение, подобно кровоточивой, подобно слепому от рождению, подобно острупленному, подобно усопшему в смерть... верую, Господи, помоги моему неверию и очисти Сам, если пожелаешь того.

Итак, «воображение» предлагаем понимать, как деятельное, практическое представление себя перед образом... как отыскание и воз-ведение своего потускневшего, иссякающего, обезображенного образа Божиего - перед образом изображённым. «Воображение» - как пред-ставление себя и сопоставление себя с образом, позволяющим выявить, оттенить во свете Первообраза - собственное безобразие в престоении перед образом, в чаянии опаматования во свете Первообразия, свете допущенном к нам через образ. Но знаем ли, о чём просим, помышляя о свете Первообразия... ни о чём меньшем, чем милость Господняя, чем елей Его благоволения, его милующего и благорасположенного Божества, уделяющего Собою. Помилуй, Господи... как одари собою... и «вообрази», как приблизь допусти к Себе, приоткрой Себя к милостивому одарению... и не менее того.

Образ «Троицы» - как побуждение нам к Авраамову предстоянию в гостеприимстве... Сложно это, до невозможности не вмести́мо, неприемлемо нашим грехом в нас. Но образ - указывает нам путь к нашему истинному состоянию перед Богом, к нашему образу в нас самих. Наша нечистота - выявляется слишком наглядно и непереносимо, нестерпимо - перед чистотою Образа Нерукотворного, чистотою образа сотворённого чистым, святым, облагодатствованным образотворением... перед чистотою образа Боговдохновенного, перед образом «Троицы» Рублёва и Феофана... перед Спасом Звенигородским. Слишком контрастна и натуралистична нечистота в нас самих, слишком уж омерзительна она в со-поставлении образа с без-образием... Перед образом - истинно-неистового моления, явленного Феофаном Греком, быть может, списанного им с самого себя, с природы своего духа, - перед этим живописание - уясним мы выпуклую, звенящую, ужасающую опустошённость от молитвы в себе самих. И это у-яснение образа есть чаемая цель и смысл термина «воображение», использованного нами столь часто, зачастую - столь неопределённо. Образ - как пример чистоты, пример ёмкости в нас, жаждущей вместить Бога... пусть бы частичной - опустошённости от греха и не наполненности ничем... выметенного, убранного дома, не желающего проникновения князей мира сего.... «Воображение», как приуготовление пространства, куда бы мы чаяли принять благодать Господнюю... но - весь осквернен и не найти места, Господи, где бы

Тебе преклонить главу во мне... - так возносят нас к реальности духовного состояния опытные молитвы отцов. И возможно ли нам изменить, восполнить эти глубины онтологического повреждения. «Воображение» - как очищение или лучше бы – опаматывание, пробуждение или воз-буждение от забвенного сна нашего образа при соприкосновении с образом из-ображённым, живописанным или мозаичным, архитектурно образованным пространством света... устроенным исключительно и единственно – для вмещения нашей живой или оживающей молитвы. «Воображение», как опаматывание и пробуждение к плачу о непереносимом личном обезображивании... о невозполнимой утрате райского и естественного Богообщения человека, лично меня – без-образного, но не от-чаившегося – да не попустит сего Господь... да не попустит «во-образению» - отвлечь нас от личного греха, обмануть нас химерами, лукавствующими об очищении – лёгком, либо достигнутом, либо начатом нашими усилиями и достоинствами. Сам, елико хочеши – прииди и очисти ны... - восклицаем перед образом чистоты совершившейся.

Высшее, полагаем так, назначение образа – есть вмещение литургии, сопровождение таинства. образу должно и назначено вмещать литургию и нас, литургисающих, составляющих мистическое тело Христово, наше уединение и нашу церковную общность, целостность нашу. Итак церковь наша и литургия в торжестве своём есть Церковь, вмещённая в образ, образованная образом, соединённая видимым образом - с Церковью невидимой. Церковь, вмещённая в образ, сопровождаемая образом, «во-образённая» - непрестанно несёт, содержит и чувствует в себе пример чистоты – образ Бога. Церковь пребывает внутри образной чистоты и непрестанно сверяет, поверяет, соотносит себя с этой чистотою. Ничто нечистое не впустит, не примет Бога... Но наша личная нечистота, повреждённость – вникает в образ, во-церковляется таинственным образом, вознамеривается прильнуть, приникнуть к литургии, войти в общее возделывание таинства, исполняется благословенным и покаянным дерзновением – принять Христа... проходя через обязательное покаяние, таинственно совершающееся в нас, венчающее наше дерзновение и жажду. Наша нечистота чудесным, таинственным образом – благословляется не изживания греха и его власти над нашей падшестью... удостаивается отнюдь не прекращения противостояния, противоборства со грехом, не стяжает победительных лавров змеборца... но – милостиво, несказанно, не по достоинству - одаривается преодолением, хоть бы на единый миг причащения – сопричастности Богу – преодолением нестерпимого препятствия между повреждённым человеческим естеством и Божией благодатью. И преодоление это воистину – таинственно, происходит удобнее, - вблизи, в виду образа, пред нестерпимым взором Первообразия... внутри образа, когда человек, произнося слова ис-поведования самого себя, слова покаяния – со-относит своё естество с видимым и обстоящим его образом Бога... произносит слова от сердца – пребывая внутри образа, словно бы в лечебнице врачующей – оступленный грешник, чающий приобщения к чистоте, вопиющий об исцелении. Во-ображая себя в образ, со-относя образ Божий, пробуждающийся, пробуждаемый – с образом окружающим, содержащим, сопровождающим таинство. Человек - приникает своею повреждённостью, своим чуждым и усвоенным, укоренившимся безобразием - к чистоте образа живописанного, образа, на котором явственно просияла Господняя благодать... Именно эти смыслы видится возможным нам – иметь в виду, когда мы употребляем в наших суждениях термин «во-образение». Образ живописанный способствует очищению, пробуждению образа Господнего в нас... способствует пробуждению к противостоянию, противоборству с безобразием... способствует через со-отнесение нашей нечистоты с чистотою видимой нами, предъявленной нам, уверительной и ободряющей нас. И чем выше, чем духовнее образ – тем действеннее плоды этого со-отнесения образов.

Не непременно, но возможно, что на тонкой грани соприкосновения образов – возникает или может возникнуть - явиться – чудо соприкосновения с Самим

Первообразом. Бог может – откликнуться на грани образов со-отнесённых, со-прикоснувшихся... Веруем тако и надеемся, не безнадежные и обрадованные самой этой возможностью... унаследованной традицией пребывания человека вблизи образа в делательном, деятельном во-ображении своего человеческого естества, устремляющегося ко Славе Господней... на пути незаблудного своего право-славия.

И так вот - пробираешься, протискаешься... следуешь сквозь эту жизнь по этой стезе – имея перед глазами образ Божий. Отовсюду, ото всех сторон – свирепствует и злорадует нечестие, противное Богу... злое – злобствует немилосердно и беспощадно. А у тебя – образ Божий – перед глазами, перед мысленным взором, перед всем твоим существом в сердечном его устремлении, если ко Христу оно, - если Сам Господь в твоём обращении к Нему целью сияет образом Своим. Не дерзаешь и не помышляешь, да и не помыслишь как – ещё хоть немного бы приблизиться к Творцу своему, но образ Его – содержишь перед очами сердечными, воздыхаешь о Нём. Помышляешь об образе и пестуешь эти мысли, побуждая себя к ним... побуждая, понуждая себя к избранному пути, имея перед собою – проникновенный образ... вспоминая о нём – возбуждаешь себя им, пробуждаешь себя от сна, усиливаясь отделиться от смешения с нечестием, с нечистотами мира сего. Извалявшийся, измаявшийся во грехе, измученный самим собою и грехом безотчётным и неисчерпаемым... казалось бы – не к чему вокруг обратить себя. Не к чему? Но милостиво - проявляет Себя Тот, Который взывает Сам... и голос Его всё более явственно – звучит образом, в образе Взывающего, голос изображённый, голос преображённый, словно бы вникающий из-за пределов мира естественных звуков... - голос, как свидетельство о том, что допустима и достижима – чистота. Более того, чистота пред Господом – как святость в человеческом естестве - может быть явлена, изображена, усвоена, передана, пре-подана, если не по существу, то как некий образец от человека к человеку, - может быть преподана чистота, изображена, - может быть явлено не изображимое. Тем и ободряешь себя, тем и пробуждаешь себя. Сам ли по себе своими усилиями – производишь это пробуждение, ободрение это. Или таким образом... как – либо Сам Господь ищет пути к тебе, скребётся сквозь твою невосприимчивость, бережно вникает в непроницаемый, затворённый, помрачённый разум, не разрушая его, осторожно – обращая к Себе. И являет перед тобою – образ Свой. Образ чистый, намоленный... вымоленный не нами и дарованный не нам. Принимаем к нему, благодарные, почитаем его, почти уж безнадежные... Обретаем, как свет перед собою – воздвигая перед мыслью своею и вознося перед взором в молитве своей – образ. Образ – много столетий, осеняет наш народ и предшествует на нашем брэнном пути из небытия в жизнь вечную... образ – как светоч – лучащееся светом окно... как указующий неложный ориентир... тонкий путеводный луч, проникающий в нашу помрачённость... - следуем по нему, казалось бы, безнадежные. И, казалось бы, прост ориентир, буквально обычен... обыден... обыкновенен – перед нами – икона, преподанная, намоленная, возвышенная... - обычная, - предложена нам. Воспринимаем, благодарные... воспринимаем, обнадёженные – и следуем с нею, следуем ею ведомые – ко Творцу своему, к Первообразу нашему.